

Закон жизни

1.

Хороших хозяйев узнаешь по постройкам. Вот он колхозный городок на бугре—высокий, стандартный скотный двор, просторные мастерские, вместительные амбары, контора, сверкающая широкими городскими окнами, навесы. Мудрая рука настоящего хозяина, широкий размах строителя, уверенного в расцвете своего дела,—вот что чувствуешь, глядя на этот городок.

Он уцелел—немцы не успели сжечь постройки. И часто прохожие с завистью говорят: «Повезло кривошеевцам, их война не тронула». Как несправедливы эти слова, к стати сказать, нередко раздающиеся по адресу внешне сохранившихся деревень. Как это война не тронула Кривошеевку, если четвертый год в каждом доме нет кормильца? А добро? Посчитайте-ка сколько уничтожено, разбито, увезено отсюда немцем разного колхозного добра. Какие кони стояли вот в этой конюшне! Животновод П. К. Лиманский, высокий, сутулый старик, замечает: «Да мы бы десять конюшен выстроили—уцелели бы только кони». Быстрей кажется построить и коровник, чем приобрести таких славных симменталок, каких колхоз имел до войны. А где свиньи, о которых шла молва по всему району, где станки из мастерской, где селянки, жатки... Нет, если говорить по справедливости, сохранение построек мало утешило кривошеевцев. Война отняла у них основу—средства производства—то, чем работали они на земле.

Мы попали в деревню накануне второй годовщины ее освобождения. Председатель колхоза С. А. Поливанов—лейтенант, мичменчик, раненый в Донбассе—повел по колхозному двору. В каждой постройке прочно обосновалась жизнь. В коровнике—от дверей до дверей по обе стороны—стоял скот, конечно, покарябанный, не чета довоенным симменталкам,—но все же скот—коровы, овцы, телята. В закуте сгрудились овцы. «Котятся,—замечает животновод,—и все по двое, все по двое—родючий нынче год». Свиньи домовиты дохрюкивали в станках. По двору важно расхаживали гуси. Над кузницей висел сизый дым, а под навесом стояла вереница лошадей и плугов.

В конторе счетовод гордо указал на груды квитанций—знак того, что колхоз полностью выполнил все заготовки и по хлебу, и по подсолнуху, и по молоку, и по шерсти, а по мясу распустился со страной и за 1945 год. Есть все семена, есть хлеб для инвалидов, для сирот, есть страховый фонд и есть ведомость, а в ней одна под другой триста с лишним подписей тех, кто уже получил на трудной и хлеб, и подсолнух, и картофель. Вспахана зябь под все яровые, озимых засеяно больше, чем в довоенное время...

Чудо ли это? Но такое чудо произошло в сотнях деревень: за два года кривошеевцы засеяли от межи до межи всю землю—больше тысячи гектаров, сдали хлеба стране столько же, сколько сдавали до войны, отстроили своими силами и средствами две школы; сами живут в достатке—в каждом дворе корова, у многих свиньи, овцы, у всех птицы. Сейчас гадают, чего бы еще завести для колхоза: скот есть, свиньи есть, овцы, куры, гуси, пчелы—все есть...

— Утей, эх, надо бы утей,—вставляет животновод.

— Сколько же «утей» разведете цыпцы, Петр Кузьмич?

— Сколько? А штук на четыреста. По нашему хозяйству меньше нельзя...

Нет, истине та же, довоенная поступь, тот же широкий шаг хозяина вновь чувствуется здесь во всем.

II.

Пытаемся цифрами объяснить, что же произошло в селе. Как сумела деревня запахать и засеять всю землю, обзавестись скотом? Чем располагали криво-

шеевцы? Лошадьми? — не было их. Машинами? — но машины работали в соседних, еще более тяжелых колхозах. Может быть здесь много работников? Но Поливанов говорит—240 самых лучших работников колхоз отдал фронту. Он подсказывает: а вы трудодни посмотрите... 96 тысяч трудодней вложила деревня в общеколхозное дело! Это что значит? Это значит—все женщины, старики и подростки—те, кто и составляет деревню военной поры,—изо дня в день, на протяжении года, отдавали колхозу почти все свое время. Это значит, что в среднем каждый из них выработал на колхозном поле по 279 трудодней—в два с лишним раза больше положенного минимума. Это значит, что каждая колхозница приучила свою корову пахать и возить. А обзавелся так быстро скотом колхоз потому, что почти каждый двор за определенную цену дал артели телят.

Так общими силами подняли и устроили кривошеевцы свой родной колхозный дом. Но чтобы они так дружно трудились, нужен был стройный и мудрый порядок. И не только сам порядок, но и великая вера и убежденность всей деревни в то, что этот порядок правилен, и в то, что дом, который они сообща так самозабвенно ладят, будет для каждого родным, просторным, отцовским домом.

И порядок, и вера в него дали опытом. Люди шли проторенной дорогой. Когда в феврале 1943 года они вновь начинали колхоз—другой февраль встал у них перед глазами—февраль 1935 года. Припомнился отчет делегата второго Всесоюзного съезда колхозников—ударников односельчанина Лиманского. 10 лет прошло, но до сих пор помнит Кривошеевка, что ее делегат участвовал в великом деле сложения мудрейшего закона жизни. Он приехал тогда из Москвы и перед всей деревней раскрыл небольшую книжечку,—Устав артели,—сказал:

— От самого товарища Сталина подарок привез!

То, что записано в книжке, вошло в плоть и кровь и, может, поэтому люди как-то не замечают животворной силы принципов, провозглашенных уставом. Между тем, именно они, эти принципы, дважды привели колхоз к богатству. Земля навечно закреплена за колхозом и священны и неприкосновенны ее размеры—так значится в книжечке, и люди как должное принимали слова, составлявшие всегда мечту поколений. Но пришел немец и сел на этой земле. Приехал в Скородное помещик Райман и на этой земле устроил имение. Стал гонять крестьян на барщину—и тут-то всем вспомнился раздел Устава «О земле». И когда освободили деревню и вышвырнули райманов,—востократ дорожке показались людям земля, Скорей, скорей засеять всю пашню, снова ведь она колхозная, навеки-вечные наша! Скорей обсеменить каждый клочок! — об этом думали, выводя в поле коров, копая землю лопатами, очищая ее от чертополоха.

Устав вошел в жизнь артели так прочно, что, и не называя его, люди обращаются к нему ежечасно. Устав учит—блестящие интересы страны, и кривошеевцы, следуя уставу, без напоминаний всегда прежде заботятся о поставках, а уж после о собственных нуждах. Устав учит сообщать решать колхозные дела—и стало обычаем собираться всей деревней и люди даже не замечают, как эта демократия бережет их от оплошностей, ошибок, подсказывает мудрые решения. По уставу строится работа—и как это выручает—крепкие бригады, дружные звенья, строгая дисциплина, учет. Каким видным, полезным становится труд, когда каждый знает свое место, свое дело и получает столько, сколько заработает. Устав дал норму поведения каждому: он награждает старательных и наказывает нерадивых. Он учит правленцев отчитываться перед колхозниками, и это развивает у вожаков артели рачительность, аккуратность, ответственность. Устав учит вести счет на все и бережет добро артели. В Кривошеевке блудит устав, живут по нему—и вот почему, как на дрожжах, поднимается деревня.

III.

Сами принципы устава торжествуют здесь потому, что люди поняли их глубокий смысл. Вручая колхозникам устав, Лиманский на словах передал им совет товарища Сталина: «Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов—вот где ключ укрепления колхозов». И вот сейчас, после военного экзамена, можно вполне оценить способность этого ключа открывать каждому дорогу к богатству и счастью. Сколько человеческих судеб спас, устроил и направил колхоз, пользуясь этим ключом.

Ольга Ананьевна Лиманская—как раз одна из тех, кого колхоз спас еще до войны. О одиночной жизни она говорит:

— Не везло нам: не уродит—долги, а уродит—заплатишь и опять в долги. Халупа такая—стыдобушки натерпелись из-за нее—курятник. А мужик у меня упрямый был—все не сдавался: не пойду в колхоз, сами выбьемся. Два года уж люди по-колхозному жили, а мы—нет. И скажите ведь,—я как-то теперь уж подумала,—ведь и государству мы ничего не давали, оно нас, как бедняков, от налогов освободило; на одних себя работали, а из нужды не выходили.

Пришли в колхоз Лиманские, и через год артель соорудила им хату, затем дала корову. Люди они были работающие и «за наше радение одних премий нам сколько давали!» Оккупация разорила Лиманских вновь. Муж сейчас на войне. Как живет Ольга Ананьевна?

— Нет, вы ее спросите, как она работает? — вступается животновод.

Женщина смущенно терев платок:

— Что ж я, как все, обыкновенно.

— Это почему же обыкновенно? — вспыхивает животновод,—нет, ты скажи, Лиманская, как мы ночей не спали около телят, скажи, как ты их от холода бе-

регла, скажи, что унаду за два года на ферме нет. А то: «обыкновенно». С радением, не щадя своего хозяйства—вот она как работает! Корову у нее дома пала, так, скажите, и на тот день на ферму явилась. Это ж удивление просто, кто ее до фермы привязал...

850 трудодней имеет Лиманская. В три часа утра приходит она к телятам, потом в полдень бежит домой накормить дочку и опять до вечера на ферме. Это благодаря ей колхоз так поднял ферму, дал государству мясо и молоко.

И вот разница: Лиманская раньше вдвоем с мужем трудилась только на себя и бедствовала, сейчас она большую часть своего времени, почти все свое время отдает колхозу, в самом деле «не щадит своего хозяйства» и что ж? У нее в доме, несмотря на войну,—полная чаша. «Мне хлеба дали, что если бы нас и шестеро было в семье—прокормились бы». Колхоз дал ей корову, есть у нее и овды и птица. Вот она дивная сила колхоза! Женщина вложила весь труд свой в общее дело—и дело это подняла, и сама вознаграждена.

Разные люди, разные судьбы. Иван Иванович Дмитренко до колхоза крепко жил, и когда попросился в артель—все ахнули. Сам Дмитренко объясняет: «Тесно было во дворе-то, я ведь любитель по-строительной части». Самобытный и веселый талант оказался у этого человека. Не просто плотничать—он и мастер-то не ахти какой—а именно строить, воздвигать, создавать что-то большое и нужное не только для себя, а для всех—вот о чем мечтал человек. Он отдал артели без сожаления все хозяйство, взял топор и пошел, и пошел гулять с ним по колхозному двору. Сейчас показывает в окно: какой столб ни возьми—в любом его гвозди, от его топора зарубки на всех сараях, ящики на селках—его, ярма на коровах—его, навоз везут—и сани его работы. И ходит он, горделиво по колхозу, поглядывая на плоды трудов своих—и нет для него больше радости. 65 лет старику, а он все машет топором и поступает у него легкая, мальчишечья.

— Согрешил я,—признается Поливанов,—когда был на фронте, подумал, что немцы старостой Ивана Ивановича сделают—анкета у него для них с виду подходящая: до колхоза зажиточным был. И вот вы ж подумайте, такой работник—минуты без дела не сидит, а ведь при немцах все время на печи лежал, говорил: «ноги отказали».

— Какие ноги? — перебивает животновод, — Душа у него отказала немцу работать. Два сына в армии, сам колхозный строитель! Сейчас вон 900 трудодней отмахал. Это что ж без ног?

Устав жизни новой дал простор старику, открыл горизонт его веселой душе создателя. Он, устав, направил и судьбу Федосьи Сидоренко. Убили мужа у Федосьи, и кто знает, как бы она жила с детьми,—немцы отняли корову. Колхоз еще давно построил ей хату, колхоз и сейчас дал ей телку, накормил семью хлебом, послал дочь на тракторные курсы. Но только ли материальными благами вызвал у нее

колхоз такую любовь, что она отдает артельному делу все свои силы? Женщины говорят: она у нас родилась командиром. Она и в самом деле уже лет восемь подряд звеньевой. Изю всех сил тянется женщина, чтобы быть первой. Другие по 10—15 центнеров золы нынче собрали, а ее звено—50. «С жаром выгребают—все мало им»,—замечает Дмитренко. Как и Лиманская, так и Сидоренко с утра до ночи хлопот по колхозным делам и рада, что хлопоты впрок. «Сама не пойму, почему такая охота мне звеньевой быть, все с людьми, все с людьми». Это женщина тоже широкого простора, ей тесен свой двор. Она бы затомилась, если бы не дали ей возможность развернуться, стать старшей между подругами, отвечать за большое дело, не просто работать, а думать за все звено, мечтать об общем успехе...

IV.

У нас выросло целое поколение, не испытывавшее доколхозной жизни, поколение, с детства воспитанное на колхозных принципах. Кузьма Лиманскому—в дни коллективизации было 10 лет. Артель приучила его к труду, она же привила ему основы колхозной морали, проводила в армию. Он воевал под Сталинградом, под Котельничом, был ранен под Белгородом. У Днепра ему сказали: вой правый берег—плыви и держись, пока все переправятся. Он взял 20 бойцов и поплыл, рассекая руками холодную и какую-то, словно густую, воду. Они вылезли на песок и сразу вступили в бой—12 раз немцы пытались сбросить их в реку. Их бомбили, засыпали минами и гранатами—они лежали. На какое-то мгновение перед глазами Кузьмы возникла Кривошеевка, колхозная Кривошеевка, родина, дом... Кузьма вскопил, крикнул ребятам: солдены браинное слово про немца и кинулся вперед, как был, в рост, с одной гранатой в руке. 20 колхозников, одетых в красноармейскую форму, помчались за Кузьмой. Они вышвырнули немцев из их траншей и погнались, а сзади уже слышалось гуденье моторов—шли наши танки...

Кузьма сейчас в селе. После ранения он стал председателем Кривошеевского сельисполкома. На его груди Золотая Звезда Героя Советского Союза. Это—сын колхоза, и если в бою он явил высокое самопожертвование, то это как раз та черта, которая привита ему всем укладом артельной жизни—жизни для общего блага, коллективной и честной.

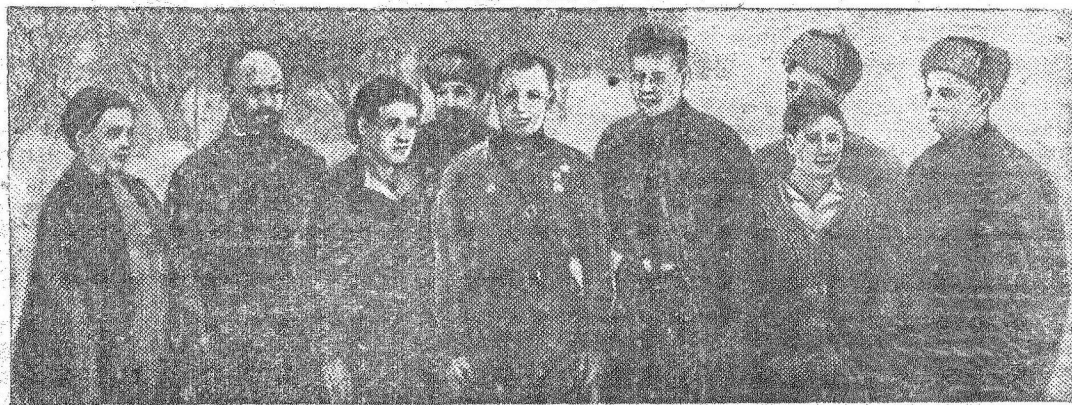
V.

Кривошеевский колхоз, за два года восстановивший свое богатство, стал хорошим кормильцем армии и родным просторным домом для каждого колхозника. Погиб на войне Семен Николаевич Поливанов, умерла его жена, а дети их—четверо—маленьких ребят—нашли себе место под крышей родного колхозного дома. Сироты живут на колхозные средства, учатся. Погиб на войне муж Зинаиды Лиманской, но троим детям колхоз заменил отца, дал им корову, обул, одел, накормил. Только два года вновь живет артель, а уж она сумела призреть 8 сирот, дать 10 солдаткам коров, выдать безвозмездно солдатским семьям 240 пудов хлеба. И в этом тоже дивная сила колхоза—забота об общем благе устраивает личное благо каждому.

Не знаем точно, где сейчас Лиманский, делегат колхозного съезда: в Померанно или в Бранденбург привела солдата дорога возмездия? Где бы ни был он—пусть порадуется сегодня торжеству Закона, который он десять лет назад принимал, в Кремле. Закон этот выручил из горя колхозную Кривошеевку, сделал ее хорошей помощницей армии; закон этот бережет детей Лиманского; он—этот закон,—сулит нам такой послевоенный расцвет деревни, который даже представить трудно—так светел и широк горизонт вперед.

Г. РАДОВ.

Колхоз «Первое мая», с. Кривошеевка, Скороднянский район.

Активисты колхозной Кривошеевки (слева направо): звеньевая Ф. А. Сидоренко, зам. председ. колхоза А. Ф. Сидоренко, звеньевая У. Е. Сидоренко, животновод П. К. Лиманский, пред. сельисполкома Герой Советского Союза К. А. Лиманский, пред. колхоза С. А. Поливанов, телятница О. А. Лиманская, конюх Л. Г. Лиманский, колхозник И. И. Дмитренко.

Фото Г. Радова.